

Михаил Гарцев

МОИ СТО ИЗБРАННЫХ ОПУСОВ

Михаил Гарцев

Мои 100 избранных опусов

«Издательские решения»

Гарцев М.

Мои 100 избранных опусов / М. Гарцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850794-6

Не думаю, что остальные опусы чем-то хуже, просто автор, подготовив подборку на конкурс им. Сергея Есенина «методом втыка», решил её издать. Среди опусов, оставшихся за чертой, есть не менее достойные. Обложка — визуальная метафора темы ИТОГА, опирающаяся на суждение: «Он указал нам путь — путь ПРОТИВОСТОЯНИЯ и ВОСХОЖДЕНИЯ».

ISBN 978-5-44-850794-6

© Гарцев М.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
«Ну, вот и всё...»	6
Примитивизм, или Ответ эстетам-формалистам	7
«Идеально рассчитано...»	8
«Вот и закончились сказки...»	9
Ты – дом моего бытия	10
«Замок жемчужный...»	11
«Я спешу по утрам к метро-по-литену...»	12
«Куст одинокий...»	13
«Порою сумеречной, росной ...»	14
У поэта вышла книга	15
«С детства вижу картинку...»	17
«Чтоб не спугнуть парящий символом-мячиком рок...»	18
Пророк 2	19
«Каскад прудов, заброшенных, ничейных...»	21
«Ты подошла к окошку...»	22
«Храм у подножия Парнаса ...»	23
Предостережение	24
Триптих 2	25
Крещение	27
«Реальное непостижимо...»	28
Часть II	29
«Да, мы рыбы красно-золотые...»	29
«Роман конца сезона...»	30
«Поле все золотое...»	31
«Дом вздрогнул, рухнул и затих...»	32
«Играя в вихре ярких красок...»	33
«Отрешусь и зароюсь...»	34
«Пистолет заряжен...»	35
«Как саркофаг над Чернобылем...»	36
Лицедей	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мои 100 избранных опусов

Михаил Гарцев

Редактор-корректор Ирина Задорожная

Художник-иллюстратор Сергей Муратов

© Михаил Гарцев, 2017

ISBN 978-5-4485-0794-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

«Ну, вот и всё...»

Ну, вот и всё.
Последний росчерк
пера, зажатого в руке,
и целый ряд безмолвных точек
растает где-то вдалеке...

И там, летя в пыли астральной,
в наплыве лунных анфилад,
всей сутью нематериальной
ты ощутишь ТОТ терпкий взгляд
со дна хрустального колодца
в янтарном просверке конька,
и крепко сдобренный морозцем
ТОТ пряный запах табака.

Примитивизм, или Ответ эстетам-формалистам

Ох, художники-эстеты,
Ваши сочные портреты...
Богатейшая палитра...
Просто глаз не оторвать,
а мы с Нико Пиросмани,
закусив цветком герани,
на расклеенном диване,
оприходовав пол-литра,
распевали... твою мать.

Ох, поэты-формалисты,
Ваши строчки так речисты.
Мысли флёр окутал тонкий,
да и чувств поток не слаб,
а мы с Нико Пиросмани,
нашу встречу остаканив,
в затрапезном ресторане
на застиранной клеёнке
рисовали голых баб.

Ох уж, интеллектуалы,
без штамповки и лекала,
как играете Вы в бисер,
любо-дорого смотреть,
а мы с Нико Пиросмани,
утром встретившись в тумане,
наглотавшись всякой дряни,
по Закону Высших Чисел
не дразнить решили смерть.

Вы рисуете картины,
рассыпая бисерины,
их нанизывая вскоре
на искусственную нить,
а мы с Нико Пиросмани
у последней стали грани,
там за ней нас кто-то манит,
подслащая жизни горечь,
обещая нас любить.

«Идеально рассчитано...»

Идеально рассчитано,
словно Богом даровано.
Шёлком, золотом выткано,
у других не своровано.
Но ногами орудуем
мы на праздничной скатерти.
Всё покатится кубарем
да к такой-то там матери.
Видно, в жизни не ценится
то, что Богом даровано,
и судьба наша мельница
перемелет ворованное.

«Вот и закончились сказки...»

Вот и закончились сказки.
Отголосила гроза.
Желто-багровые краски
кружатся в сумраке вязком,
неба надорваны связки
и голосуют вновь за
то, чтоб сменилась погода.
Хмурая мгlistая хлябь
к нам снизойдёт с небосвода.
В панцире громоотвода
выползет новая явь.
Снег, как лачком-с, всё покроет,
и тишина, тишина...
Чёрт или буря завоюет
с горя иль просто с запоя...
Грустно мерцает луна.

Ты – дом моего бытия

По правде, эпитет «великий»
навряд ли ласкает мой слух,
отчизны моей светлоликой
смущая помпезностью дух.
У родины вечно на страже
стоим, за отчизну моля...
Но кто же о матери скажет:
ВЕЛИКАЯ МАМА МОЯ?
Хотим её видеть здоровой,
разумной и сильной, как встарь...
Но отзвуки русского слова —
горящий любовью янтарь.
Сбиваю сомнений оковы,
гоню понимание вспять...
ВЕЛИКОМУ РУССКОМУ СЛОВУ
эпитет «великий» подстать.
Скучаю с тобою в разлуке,
мне тяга к другим – не с руки.
Все иноязычные звуки
ведут к созреванию тоски.
Я стал бы отшельник, молчальник —
мирской суеты мне не жаль —
но я берегу изначально
твою вековую печаль.
Стою часовым на границах
твоей непорочной красоты
в сполохах вечерней зарницы,
и в утренних каплях росы.
С тобой я отважный воитель —
в ладье неземного литья.
Ты – друг мой и ангел хранитель,
ТЫ – ДОМ МОЕГО БЫТИЯ.

«Замок жемчужный...»

Замок жемчужный
в небе завис одиноко.
Тает окружность
в мареве летнего зноя.
Мир перегружен
вздохами горьких упрёков,
лютою стужей —
нашей с тобою виною.
Символов груды
в мире разбросана зыбком.
Свет изумруда
в отзвуке горных обвалов.
В толще Талмуда
Библия прячет улыбку.
Из ниоткуда
капля живая упала.
Радужной капли
не удержать на ладони.
Силы иссякли
в мареве знойного лета.
Солнечный маклер
плавится, плачет и стонет.
Звёзды размякли
в хлябях астрального света.

«Я спешу по утрам к метро-по-литену...»

Я спешу по утрам к метро-по-литену,
забиваюсь с другими людьми в автобус.
Ускоренье придаст нам крутящийся глобус.
За окном замелькают дорожные сцены,
я хочу осознать алгоритмы замены,
торможу, скрежеща, ибо сам себе тормоз.

Кадры жизни пойдут, как при съёмке рапидом,
и предметы рассыплются вмиг на части.
Вряд ли важно, какой они стали масти,
вычленять не хочу я подвиды и виды...
Только вижу арену кровавой корриды,
где все судьбы в руках анонимной власти.

Я спускаюсь в метро, подхожу к вагону.
Вспышка бьёт по глазам отражением ада.
И уже ничего, ничего нам не надо.
Сверху смотрит на нас, сострадавая, Мадонна:
видя наши тела, слыша вскрики и стоны,
в пропасть рушится с нами небосвода громада.

Жизнь абсурд – по Камю нас учили и Сартру.
Меня нет – я разъят на молекул цепочки,
а в ответ разбежится по траурным строчкам
весь мой мир: от цветущих фиалок Монмартра
до заношенной шапки из убитой ондатры,
продолжая свой бег в этом круге порочном,

пищевые цепочки пополняя собою.
Ну, а правда сатрапа и ложь правдолюбца
проливными дождями нам на головы льются...
Мы гордимся планетой своей голубою,
и, бродя по трущобам звериной тропой,
громко воем, завидев абрис лунного блюдца.

«Куст одинокий...»

*Я твой пасынок, Родина, я твой пасынок.
Я парнасцами твоими не обласканный.*

Куст одинокий,
импульс новеллы печальной.
Гнёт атмосферы,
и... покатился по свету.
Где же истоки,
где же твой след изначальный?
В пламени веры
жажда ответа,
которого нету.
Кончилась качка,
передохни, друг опальный.
Стихли бои
и не свистят больше пули.
Что же ты плачешь
пасынком родины дальней,
корни твои
сеткой венозной раздулись.
Щедрую почву
тело беззлобно отторгло,
а в поднебесье
птиц перелётная стая...
В круге порочном
ты наступаешь на горло
собственной песне...
...облако медленно тает.

«Порою сумеречной, росной ...»

Порою сумеречной, росной —
природой русской заарканен —
я выхожу на берег плеса,
посеребренного в тумане.
Передо мной разверзлась вечность.
Окутан дымкой серебристой,
меня в лицо целует вечер,
такой пронзительный и чистый.
Здесь обозначена примета
дробящих воздух междометий.
На стыке музыки и света,
на рубеже тысячелетий.

У поэта вышла книга

Июль, жара, середина лета...
В аллеях парков городских
бомжи гуляют и поэты,
соображая на троих.
А на шоссе вдруг тормоз взвизгнет,
а на шоссе рессорный скрип...
Прносятся любимцы жизни
под сладостный болельщиц всхлип.

Издали книжку в «Геликоне».
Теперь сомнений больше нет,
и Рудис, словно вор в законе,
стал коронованный поэт.

А ты не создан для бумаги,
хоть наследить успел на ней,
твоих столбцов бредут варяги
чем безысходней, тем верней.
Нет у тебя надежной ксивы.
Твой статускво на волоске.
Проходишь гордый и красивый
ты по нейтральной полосе.

Издали книжку в «Геликоне».
Настала Рудиса пора.
Вегоновцы в его «ВеГоне»
скандируют ему «ура».

Поэт выходит к людям. Слезы
скупые по щекам ползут.
Благодарит без всякой позы
за то, что оценили труд.
Благодарит семью и школу,
а также Машин с Динкой вклад,
Житинскому поклон до пола,
Мошкова вспомнил «Самиздат».

Издали книжку в «Геликоне».
Житинский, гранд тебе мерси,
а я твержу, как фраер в зоне:
«Не верь! Не бойся! Не проси!»

Но как-то раз, гуляя в парке,
как фавн, стремителен, суров,
вдруг увидал сей книжки гранки

в руках хорошеньких особ.
Я подошел, смешно представляясь:
«В сети известный графоман».
Они же вздрогнули, уставясь
на оттопыренный карман.
Переложив под мышку пушку,
продолжил, щерясь, як сатир:
«Простите, леди, я не Пушкин,
да, но и Рудис не Шекспир...»

Издали книжку в «Геликоне»,
и этой книжки теплый свет,
сердца двух женщин переполнив,
внушил им, что и я поэт.

Еще встречаются особы,
не западающие, блин,
на мерсы шестисотый пробы
олигархических мужчин.
Порою, сладостные всхлипы
извлечь из них нам не в укор
способны страждущие типы,
из слов рисующие вздор.

Издали книжку в «Геликоне».
Житинский, черт тебя возьми,
в моем беднейшем лексиконе
нет слов признания в любви.

...и строчек пять из книги Юры
прочел на память, впопыхах.
Моя курьезная фигура
уже им не внушала страх.
Одна шепнула пред рассветом:
«Тобой заполнен весь мой кров,
как эманацией поэта
с тех ярославских берегов».

«С детства вижу картинку...»

С детства вижу картинку:
вдаль струится ручей...
Я бессмертной былинкой
на скользящем луче
в непрерывном движении,
веру в чудо храня,
вдруг замру на мгновенье
у излучины дня.
Перед встречным потоком
всплесков полная горсть.
Стайки трепетных токов,
обретающих плоть.

«Чтоб не спугнуть парящий символом-мячиком рок...»

Чтоб не спугнуть парящий символом-мячиком рок,
я привстаю с кушетки, держа в руках пульт, осторожно.
Кто же тут правит бал: дьявол иль всё-таки Бог?
Траекторию полёта мяча рассчитать невозможно.

Ранее я утверждал, что дороже победных голов,
как разновидность инцеста, – пресловутая духовная близость.
И действительно, дух поглощает антагонизм полов,
перебарывая природную человеческую стыдливость.

А на футбольном поле, смешивая грязь и пот,
пробуждая в толпе агрессию и слепые витальные силы,
футбольного действия месиво заваривает свой компот,
вытягивая из футболистов последние соки и жилы.

И, внося свою лепту, фальшь бьёт наотмашь и наповал.
Продажность судей оценит даже неисправимый романтик.
Омерзительно, когда австралийцев выбивают сомнительнейшим
пенальти.
Непростительно, когда Германию протаскивают в полуфинал.

Но когда счастливые футболисты от усталости валятся с ног,
а людские сердца от гордости захлёстывают волны спазмов,
я понимаю, что закономерный, спортивный итог
выше любых, даже самых одухотворённых оргазмов.

Пророк 2

Я сидел и курил на крылечке,
наблюдая реформ плавный ход,
но зашли ко мне в дом человечки,
объявили, что грянул дефолт.
На лужайке своих пас овечек,
от людской укрываясь молвы.
Прилетели опять человечки,
и не стало овечек, увы.
Мы с женою лежали на печке,
наступление ждали весны.
Заползли к нам в постель человечки,
и не стало, не стало жены.
Отдыхал я однажды у речки
на зелёной, душистой траве.
Вдруг приплыли опять человечки,
поселились в моей голове.
В моём доме четыре протечки,
ни овечек уж нет, ни жены,
но живут в голове человечки,
крутят мне разноцветные сны.
В храм сходил и поставил там свечку,
чтобы сгинуло горе моё,
но живут в голове человечки,
не хотят выходить из неё.
Ни чечен, ни еврей, ни татарин,
ни чистейший по крови русак —
ЭНЭЛОИЭНОпланетянин
в моём доме устроил бардак.
Так не стало мне в жизни покоя,
очевидно, пришёл мой черёд,
и, махнув на свой домик рукою,
я пошёл по дороге вперёд.
По вагонам я стал побираться,
там, где можно, стал песни орать:
«Ах, зачем я на свет появился,
ах, зачем родила меня мать».
Но детина один здоровенный,
отобрав у меня свой оброк,
мне сказал: «Ты, как видно, блаженный», —
по Ахавьеву, типа пророк.
Не просил я у жизни иного,
но начался в ней новый отсчёт.
Про любовь пусть поёт Пугачёва,
про природу пусть Филя поёт.
И живу я – блаженное чудо —

на просторах блаженной страны.
У нас много блаженного люда,
но не каждый дойдёт до суммы.
До тюрьмы здесь доходит не каждый,
но одни мы все песни поём.
Ах, залейте мне, граждане, жажду
из монеток звенящим дождём.
Ах, не верьте, не верьте цыганкам,
ведь обманут, монистом звеня,
Вы мне спиртом наполните банку,
Вы послушайте лучше меня.
Расскажу вам, что ждёт ваших деток,
испытают ли крах и нужду...
Ах, насыпьте, насыпьте монеток,
а потом я всю правду скажу.

«Каскад прудов, заброшенных, ничейных...»

Каскад прудов, заброшенных, ничейных
куда я прихожу порой вечерней —
покрытых тиной и зелёной ряской,
и водорослей целые семейства
как бы в предчувствии ночного лицедейства
взирают на меня с опаской.

Вода и зелень – символ совершенства.
На свете нет приятнее блаженства
смотреть, как пробуждаются виденья...
Ложится темень на ночные воды,
деревьев тени водят хороводы,
в природе начинается брожение.

Каскад прудов – ПРА-образ древних капищ.
От веток ивы, как от чьих-то лапищ,
я отшатнулся. Пискнула зверюшка...
А на прудах мелькали леших тени,
кузнечик стрекотал, русалок пенье,
вдобавок квакали, как пьяные, лягушки.

И уханье какой-то странной птицы,
желающей воды с гнильцой напиться...
И чваканье, и хруст костей, и шёпот...
А светлячки весь берег запалили,
потом попрятались в бутонах стройных лилий...
...и табунов был слышен гулкий топот.

Но только утренней звезды пробьётся лучик,
ночных мистерий мир тотчас отключат.
В каскаде – пруд один, очищенный от тины.
В нём отразится свод небес лазурный,
он нам дороже прелестей гламурных.
Сменяют шабаш мирные картины.

Зажглись на солнце купола церквушки местной,
лазурь и золото бал правят повсеместно.
Легка дорога к храму и светла.
Святой источник Преподобной Анны
в меня вольёт бальзам небесной манны,
и продолжается игра добра и зла.

«Ты подошла к окошку...»

Ты подошла к окошку
с улыбкою виноватой
и протянула ладошки
к желтой косе заката.
Время сужает рамки,
я раздвигаю границы.
Долго еще подранки
будут ночами сниться.

Все – что ушло в бессмертье,
вспыхнуло и пропало
ночью, Вы мне поверьте,
светится в полнакала.

Выщерблено на камне,
где-то там затесалось,
иль протоплазмой в магме
будит слепую ярость

вновь прорываясь к жизни
каждой угасшей клеткой...
Вдруг тормозами взвизгнет
у роковой отметки.

«Храм у подножия Парнаса ...»

Храм у подножия Парнаса —
епархия дельфийских пифий.
Храм сына Зевса – Аполлона.

Доисторические расы
историю творили, мифы,
и жили по своим законам.

По Ницше, буйный бог Дионис
в кругу сатиров и вакханок;
где фаллос – символ плодородья;

со смыслами не церемонясь,
инстинктам расширяя рамки,
бал правящий в своих угодьях,

стал антитезой Аполлона,
чей культ непререкаем в Дельфах
среди родовых аристократов.

Огонь сбегал с парнасских склонов
психоделического шлейфа
дионисийского разврата.

В Палладе просыпалась жалость.
Акрополь хранил свет Парфенона,
отображённый свет, небесный.

Богиня мудро улыбалась,
и, глядя девственное лоно,
вновь снаряжала в путь Гермеса.

Предостережение

Народ, приученный к тому,
чтоб целовать тирану руку.
Порядок – высшая наука —
дан осторожному уму.
Квасной патриотизм порукой —
и обойдем суму, тюрьму.
Штандарт державный нежным звуком
внушает: «Верь мне одному!»

Но там, где правит раболепство,
где каждый орган – орган слуха,
вдруг видят с горней высоты:

взрыв назревает по соседству,
и человеческого духа
примеры редкой красоты.

Триптих 2

1

Ты сытый и обутой.
Куда тебя влечет?
Ты алчешь мякоть фрукта,
сорвав запретный плод.
Кто там кричит: «О нравы!»
При чем твой смирный нрав,
ты верный сын державы,
и ты, конечно, прав.

2

Порталы пантеона
то бросят в жар, то в холод.
На знамени Маммона,
а раньше – серп и молот.
Сквозь рыночные жерла
к нам подползает голод.
Какие еще жертвы
ждет кровожадный МОлох?

3

...И губы обметало
у страждущих ответ
расплавленным металлом
взорвавшихся планет.
И я ответ взыскую,
насквозь изрешечен,
вертя турель вслепую
распавшихся времен.
Но солнце вмиг пробило
студенистую рань.
Горящею просвирой
мне обожгло гортань.
Ну, с мертвой точки сдвинься
в слепом круженье дня.
В священном триединстве
он смотрит на меня.
Я верю, очень скоро —
отныне навсегда —
на трепетных просторах
взойдет Его звезда.
Взойдет Его соцветье
на солнечной меже
в конце тысячелетья —
последнем рубеже.

Крещение

В преддверье нового потопа
кто, человек, скажи, ты есть.
И что влечет так на Голгофу
тебя: тщеславие иль месть,
порывы чести и добра...

...Провозгласила отчуждение,
став первой вехой Восхожденья,
измены острая игра.
Идет жестокая работа,
где правит бал сизифов труд,
но поцелуй Искариота
разрыв земных семейных пут.

...и Он лицо твое омыл
под завывание синкопы...
...и путь открылся на Голгофу
расКРЕпоЩЕНИЕМ
высших сил.

«Реальное непостижимо...»

Реальное непостижимо,
но сон, фантазии, игра,
порой, нам представляют зримо —
во что мы верили вчера;
а то, во что сегодня верим,
вдруг нам предстанет в неглиже,
и тайные раздвинув двери,
вплотную подойдёт к душе.
Архетипическое рядом:
неясных смыслов слышим речь —
из шифров, символов тирады —
мы их должны понять, сберечь.
Мы их должны очеловечить,
наполнив вечное собой,
идя на зов неясной речи
той первобытной тропой,
которой прашуры ходили.
Инстинкты надо подкормить...
Пронесутся автомобили...
...взыграла кровь, прибавив прыть.
С сигарой сидя в грандотеле,
роскошно прожигая жизнь,
мы вдруг услышим птичьи трели,
увидим солнце, неба синь.
И мы поймём: вся наша драма
в том, что роднее нет земли —
где нас вынашивала мама,
где нас любили, берегли.
За отчий край свой, за отчизну,
как в омут с берега нырнув,
солдат готов расстаться с жизнью,
мгновенно, глазом не моргнув.
Мы все – солдаты, неконфликтны,
реликты чтим своих торжеств...
И это главные инстинкты
всех человеческих существ.

Часть II

«Да, мы рыбы красно-золотые...»

«Мы не рыбы красно-золотые...»

О. Мандельштам

Да, мы рыбы красно-золотые,
и не ребрышки – соленой масти кость.
Прогрохочет конница Батя,
окающая дымится плоть.

Отчего же в водном окоеме
так разбросан наш с тобою путь?
И при встрече на крутом изломе:
«Уходи! Постой, еще побудь!»

«Роман конца сезона...»

Роман конца сезона,
под занавес роман!
На гаснущих газонах
последний ураган.
На гаснущих газонах,
на стынущем песке,
на сумеречных кронах
в предутренней тоске.

«Поле все золотое...»

Поле все золотое...
Все назойливей зной.
Я спасаюсь от зноя
среди прохлады лесной.
Но я в мире изменчивом
вечный пленник полей.
Мягким локоном женщины
льется солнца елей.

«Дом вздрогнул, рухнул и затих...»

Дом вздрогнул, рухнул и затих.
Я с детства жил в тебе, дружище.
Стоим мы с дочкой средь пустых
глазниц родного пепелища.

А небо шлет дары свои,
справляя бесконечно тризны
и на развалинах семьи,
и на развалинах отчизны.

«Играя в вихре ярких красок...»

Играя в вихре ярких красок,
звук обнажает темперамент.
Она собой напоминает
в стремительном полёте барса.

В движеньях резких ток играет,
нас погружая в царство транса.
Огня пылающий орнамент
вокруг неё бушует властно.

Очнулись.
Новое виденье.
К нам нежности поток струится
щемящим, мягким, страстным звуком.

В сто раз дороже упоенье.
И сердце бьётся, словно птица,
взмывая к новым сладким мукам.

«Отрешусь и зароюсь...»

Отрешусь и зароюсь
в сумрак улиц хмельной,
где ночью порою
я бродил под луной.

Воздух резкий был чистый,
абрис дыма вдали,
и слегка серебристый
шел парок от земли.

И ночная прохлада
в купях сонных дерев...
Сердце вскрикнет надсадно,
в небо выплеснув гнев:

«Где в заоблачных парках
отыщу я ваш след,
этот теплый, неяркий,
искупительный свет?»

«Пистолет заряжен...»

Пистолет заряжен,
а кувшин наполнен.
Критик мой продажен,
приговор исполнен.
Палачи в прихожей,
сердце бьется гулко,
то, что было рожей,
стало рыхлой булкой,
то, что было сердцем,
растеклось по полу.
Ты прикроешь дверцу,
взгляд опустишь долу.
Ты прикроешь дверцу
и пойдешь сторонкой.
То, что было сердцем,
прокричит вдогонку:
– Ты прости, дурашка,
что тебя не слушал,
что в компашке с бражкой
заложил я душу.
Не ценил я благо,
что тобой мне дано,
и стихи слагались
только с полупьяна.
Но всегда и всюду
защищал гонимых.
Творческому зуду
предпочтя рутину,
я не стал поэтом,
да и слава Богу,
видно, в мире этом
есть важней дорога.
Не смотри сурово,
проводи со смехом,
и важнее СЛОВА —
сдохнуть ЧЕЛОВЕКОМ.

«Как саркофаг над Чернобылем...»

Как саркофаг над Чернобылем
мрачным вырос надгробием,
так надо мной мои фобии.
Кто же мне даст ответ?
Скачут вопросы вечные,
словно друзья беспечные,
клятвы звучат подвенечные...
Мягкий струится свет...
Спору с незримой силою,
плачу и сублимирую,
кто же найдёт мою милую.
Внятная слышится речь:
– Слушай, мужлан неистовый,
коли ты ищешь истину,
коль погрузился в мистику,
должен ты пренебречь
жизни мишурной благостью,
сладкой манящей радостью.
В Лоне Великой Слабости
верен останься Ей.
Это твоё избрание,
мягкое звёзд сияние,
рек полноводных слияние
в мутном потоке дней.
Это Её решение,
тусклое звёзд свечение,
над здравым смыслом глумление.
Чем же ты Ей так мил?
Знать, на тебе отметина,
тает в зубах сигаретина,
стынет на вилке котлетина.
В жилах избыток чернил.
Будут ли в жизни женщины,
будут разрывы, трещины.
Всё, что тебе завещано, —
только Она сбережёт.
Что Вы глядите, архаровцы,
как я шагаю к старости,
я не нуждаюсь в жалости.
Выставьте гамбургский счёт.
В жарких Её объятиях
мне не страшны проклятия
пишущей нашей братии.
Сказано ведь: «Иди!»
Вот я иду и каркаю,

кровью порою харкаю,
где б взять бумагу немаркую.
Нет мне назад пути.

Лицедей

Постиг ты тайны лицедейства,
и вот заслуженный финал:
в восторге рукоплещет зал.
Достигнув в действе совершенства,
гордись, ты про-
фесси-
онал.

И вновь на сцене, в сердце ярость,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.